

К НАЗВАНИЯМ ПАРНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА
В ЯЗЫКЕ БУРУШАСКИ

Случаи специфического строения имен, обозначающих парные предметы, широко известны в самых различных языках. Нередко эти субстантивы выступают в форме *pluralia tantum*, исторического двойственного числа, или же включают более или менее легко опознаваемый элемент числительного 'два'. Последнее явление встречается, например, в абхазско-адыгских языках (ср. абхаз. *a-tʷə-γʷa* 'рог' при *γʷ-ba* 'два', кабард. *bžā-qʷa* 'рог', 'рога', *lā-qʷa* 'нога', 'ноги' при *tqʷə* 'два'). Некоторыми предполагается, что оно имеет место в группе баскских существительных типа *begi* 'глаз', *belarri* 'ухо', *beso* 'рука', *belaur* 'колени', *biri* 'легкое' и т. п., в которых гипотетически вычленяется начальный комплекс *bV-*, сопоставляющийся с *bi* 'два'¹.

В языке бурушаски основа числительного 'два' (его абстрактная форма *ālti*, *ālto*, форма *āltan* — для имен 1-го и 2-го классов, *ālta* — 3-го класса, *ālto* — 4-го класса) достаточно очевидным образом представлена в начальном элементе *lt-* целого ряда названий парных частей тела. Приведем их наиболее достоверные примеры по обоим диалектам языка — бурушаски и вершиквар².

	<i>Бурушаски</i>	<i>Вершиквар</i>
'Ухо'	IV кл. <i>-ltumal</i> (мн. <i>-ltumaliŋ</i>)	Лор. <i>-ltumał, tūmał</i> (мн. <i>-ltumaliŋ, tūmaŋiŋ</i>) Зар. <i>tūmał</i> (мн. <i>tuma-ling</i>)
'Нога'	IV кл. <i>-ltanc</i> (мн. <i>-ltai.iŋ</i>)	Лор. <i>-ltanz, tanz</i> (мн. <i>-ltæiŋ, tæiŋ</i>) Зар. <i>tanɜ</i>
'Рог'	IV кл. <i>-ltūr, tur</i> (мн. <i>-ltūriɛŋ, tur(i)aŋ</i>)	Лор. <i>tur</i> (мн. <i>turiəŋ</i>) Зар. <i>tur</i> (мн. <i>turyáŋg</i>)

¹ Ср. Nils M. Holmer. Ibero-Caucasian as a linguistic type. — «Studia Linguistica», Année 1 (1947), № 1, стр. 26. См., однако, С. С. Ухленбек. Die mit b-anlautenden Körperteilnamen des Baskischen. «Festschrift Meinhof». Hamburg, 1927, стр. 357.

² Материал по диалекту бурушаски заимствуется из кн.: D. L. R. Logimer. The Burushaski language. Vol. III. Vocabularies and Index. Oslo, 1938; по диалекту вершиквар: D. L. R. Logimer. Wershikwar — English Vocabulary. Oslo, 1962, (с пометой — Лор.); И. И. Зарубин. Вершикское наречие канджутского языка. «Записки Коллегии Востоковедов», II, вып. 2. Л., 1927 (с пометой — Зар.).

‘Бровь’	III кл. <i>-ltanc</i> (формы ед. числа нет)	Лор. <i>-ltēš, teš</i> (мн. <i>-lteha, tēha</i>) Зар. <i>teš</i> (мн. <i>tehā</i>)
‘Передняя нога животного’, ‘верхняя часть руки человека’	IV кл. <i>-ltaltər</i> (мн. <i>-ltaltəriŋ</i>)	
‘Глаз’	III кл. <i>-lčin</i> (мн. <i>-lčumuc</i>)	Лор. <i>-lči</i> (мн. <i>-lčumo</i>) Зар. <i>-lči</i> (мн. <i>-lčimo</i>)
‘Кость’, ‘кровный родственник’	III кл. <i>-ltin, tin</i> (мн. <i>-ltiyo, tinjo</i>)	Лор. <i>ten</i> (мн. <i>tenjo</i>) Зар. <i>ten</i> (мн. <i>tenjo</i>)

В комментарии нуждаются, по-видимому, лишь два последних примера. Форма *-lčin* могла возникнуть в результате упрощения консонантного комплекса из **-lt-šin* или **-lt-čin*, а *-ltin*, возможно, была первоначально связана с обозначением каких-то парных костей.

Приведенные основы обычно употребляются с префиксальными экспонентами категории притяжательности, поскольку соответствующие имена относятся к классу имен так называемой «органической принадлежности», функционирующих в бурушаски только с показателями лица и — для 3-го лица — класса их обладателя. Так, основа *-ltumal* ‘ухо’ выступает исключительно в формах *a-ltumal* ‘мое ухо’, *gu-ltumal* ‘твое ухо’, *i-ltumal* ‘его ухо’, *tu-ltumal* ‘ее ухо’ и т. д. Интересно, однако, что варианты этих форм без начального *l* употребительны без показателей притяжательности, что представляется позднейшим явлением, связанным с действующей в языке тенденцией к формированию родовых, т. е. абстрагированных и от отношений принадлежности, названий предметов. Эта тенденция охватывает не только основы имен с элементом *-lt-*. В других именах она выявляется либо употреблением основы без префикса [ср. *-yoʷaŋ* ‘волосы (чий-то)’ — *yoʷaŋ* ‘волосы (вообще)’], либо сращением основы с префиксом I, III, IV классов единственного числа *i-* [ср. *-ci* ‘след (чей-то)’ — *ici* ‘след (вообще)’]³. Нетрудно заметить, что в отношении основ с *-lt-* диалект верхинвар продвинулся в этом аспекте значительно дальше, чем собственно бурушаски. Однако, и в последнем уже засвидетельствованы лексемы подобного рода, употребляемые ныне исключительно без начального *l*: ср., например, *tālumuc*

³ См. D. L. R. Logimeg. The Burushaski language. Vol. I, Oslo, 1935, стр. 134—135. Ср. утрату лично-классных показателей ряда глаголов, при которой основы глаголов с начальным *-lt-* также теряют *l*: *-ltaiyas//taiyas* ‘следовать’, ‘преследовать’, бур. *-ltanas//tanās*, верх. *-ltan-//tan-* ‘дробить’, ‘тоочь’ и др.

‘гланды’, ‘желёзки’ (мн. число, форма ед. числа не засвидетельствована).

Разумеется, подобно другим языкам в бурушаски далеко не все слова, обозначающие парные части тела, обнаруживают в своем строении этимологический элемент ‘два’. Напротив, их большинство лишено последнего. Ср. *-utis* ‘нога’, *-riŋ* ‘рука’, *-sū-sin* ‘локоть’, *-p̄ōiŋ* ‘плечо’, *-ci* ‘след ноги’, *-šak* ‘верхняя часть руки’ и др. Этого и следовало ожидать, поскольку элемент *-lt-* производит впечатление реликтового, своим присоединением к основе, по-видимому, «компенсировавшего» неразвитость именно морфологической категории числа, характерную для многих языков выдержанного эргативного строя (в некоторой степени эта черта знакома и языкам активного строя, по-видимому, являющимся типологическими предшественниками эргативных). Постепенную утрату функционального содержания элемента *-lt-* и параллельную с ней «грамматикализацию» рассматриваемых основ в качестве форм единственного числа (от большинства из них формы множественного числа ныне образуются обычными для всех имен III-го и IV-го семантических классов суффиксальными показателями) следует связывать с развитием в бурушаски именной категории числа. На глубокую древность сращения этого элемента с рассматриваемыми основами указывает и то, что префиксальные показатели принадлежности предшествуют ему, а не следуют за ним: *a-lt-umal* ‘мое-ухо’ (ср. обычную для современного состояния языка конструкцию с числительным: *cundo a-yu* ‘пять моих-сыновей’). Иными словами, это сращение должно было произойти до обобщения притяжательных форм органической принадлежности, выражаемых префиксацией лично-классных экспонентов непосредственно к основе.

Не исключено, что постуляция методом внутренней реконструкции искомого облика непроектируемых основ в языке бурушаски будет способствовать решению задачи определения его генетической принадлежности.